

Время жестоких снов

Эта книга, дорогой читатель, — о надежде. Вопреки мрачному названию, рассказы в нашей антологии посвящены тому свету в конце тоннеля, которого нам всем в эти непростые времена так не хватает.

«Время жестоких снов» — это двенадцать рассказов и повестей от авторов из Великобритании, Молдовы, Польши, России и Украины. Почти все они написаны специально для нашей антологии или же впервые переведены с других языков для нее.

Ступая на Остров жестоких снов, будь осторожен, всадник. Ты можешь не вернуться назад. Здесь время течет иначе. Тут Ангел скрывает в белых перьях крыльев душу злобного и жестокого диббука. Милый ребенок способен поменяться телом с демоном, забрав всю его мощь и разрушительную силу. А смерть — не зло, а Великая Избавительница, что наделяет даром исцеления.

Но помни, всадник: на Острове жестоких снов все имеет свою цену. Здесь царят видения, поймавшие в тенета не один разум, затянувшие все своей паутиной. И ступивший сюда не узнает, закончится ли для него когда-нибудь время жестоких снов.

Т. ПРАТЧЕТТ А. САПКОВСКИЙ С. ЛЕГЕЗА В. АРЕНЕВ

ВРЕМЯ ЖЕСТОКИХ СНОВ

— ЧАС ИСПЫТАНИЯ —

Время жестоких снов

СБОРНИК

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

- © Terry Pratchett, “Final Reward”, 1988
- © Marta Kładź-Kocot, “Wyspa okrutnych snów”, 2018
- © Anna Kańtoch, “Okno Myszogrodu”, 2014
- © Алексей Караваев, «Случай со страусами», 2021
- © Andrzej Sapkowski. “W leju po bombie”, 1993
- © Мария Галина, «Привет, старик!», 2014
- © Jakub Nowak, “Ciężki metal”, 2011
- © Владимир Аренев, «Рапунцель», 2020
- © Anna Brzezińska, “Kot Wiedźmy”, 2001
- © Сергей Легеза, «Чудо с бомбардой», 2021
- © Jacek Wróbel. “Większe związanie Hatecrafta”, 2015
- © Наталия Осояну, «Великая Избавитель-ница», 2021
- © DepositPhotos.com / grandfailure, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2021

ISBN 978-617-12-8484-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме

без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Ступаючи на Острів жорстоких снів, будь обережний, вершнику. Ти можеш не повернутися назад. Тут час тече інакше. Тут Янгол ховає в білому пір'ї крил душу злісного й жорстокого дибука. Миле дитя здатне помінятися тілом з демоном, забравши всю його міць і руйнівну силу. А смерть — не зло, а Велика Спасителька, що наділяє даром зцілення.

Але пам'ятай, вершнику: на Острові жорстоких снів усе має свою ціну. Тут панують видіння, що спіймали в тенета не один розум, затягли все своїм павутинням. І той, хто ступив сюди, не дізнається, чи скінчиться для нього коли-небудь час жорстоких снів.

В81 Время жестоких снов : сборник / сост. Владимир Аренев ; пер. С. Легезы, Е. Лихтенштейна; предисл. В. Аренева. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 416 с.

ISBN 978-617-12-8328-2

Ступая на Остров жестоких снов, будь осторожен, всадник. Ты можешь не вернуться назад. Здесь время течет иначе. Тут Ангел скрывает в белых перьях крыльев душу злобного и жестокого диббука. Милый ребенок способен поменяться телом с демоном, забрав всю его мощь и разрушительную силу. А смерть – не зло, а Великая Избавительница, что наделяет даром исцеления.

Но помни, всадник: на Острове жестоких снов все имеет свою цену. Здесь царят видения, поймавшие в тенета не один разум, затаившие все своей паутиной. И ступивший сюда не узнает, закончится ли для него когда-нибудь время жестоких снов.

УДК 821-312.9

Перевод Сергея Легезы, Ефрема Лихтенштейна

Предисловие Владимира Аренева

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

От составителя

Эта книга, дорогой читатель, — о надежде. Вопреки мрачному названию, рассказы в нашей антологии посвящены тому свету в конце тоннеля, которого нам всем в эти непростые времена так не хватает.

«Время жестоких снов» — это двенадцать рассказов и повестей от авторов из Великобритании, Молдовы, Польши, России и Украины. Почти все они написаны специально для нашей антологии или же впервые переведены с других языков для нее.

Постоянные читатели нашей серии уже знают, что Терри Пратчетт сочинял истории не только о Плоском мире, и «Последняя награда» — еще одно тому подтверждение. Хотя этот рассказ написан в 1988 году, он не устарел и по сей день. Как не устарел и рассказ Анджея Сапковского «В воронке от бомбы». В 1993 году он получил самую престижную премию польских любителей фантастики — награду имени Януша Зайделя, и совершенно заслуженно. Прошло почти тридцать лет, и сейчас его прочтение у нашего читателя будет вызывать совсем другие, вряд ли заложенные Сапковским ассоциации...

О прошлом и его влиянии на настоящее повествуют также «Окно Мышеграда» Анны Каньтох, «Привет, старик!» Марии Галиной и «Тяжелый металл» Якуба Новака. Если Каньтох и Галину наши читатели уже хорошо знают, то Новак — автор для них не знакомый. Этот люблинский писатель знаменит в первую очередь своей малой формой: его рассказы и повести входят в сборник «Амнезиак», многие из них номинировались на жанровые награды, и практически каждый текст Новака становится событием в польской фантастике. «Тяжелый металл» — история-перевертыш, финал которой оставляет читателю выбор для интерпретации (и вынуждает внимательно перечитать отдельные страницы).

Зыбкую грань между реальностью и вымышленным миром исследует в «Острове жестоких снов» Марта Кладзь-Коцот. Здесь она возвращает фэнтези ту самую магию, которая кроется не в

механическом повторении формул, но в смыслах слов. Филолог по образованию, Кладзь-Коцот исследует творчество Лема и Толкина, в прозе же идет по стопам Ле Гуин, Геймана и Борхеса; и надеюсь, это не последнее наше знакомство с ее рассказами.

Две большие повести антологии принадлежат молдавской писательнице и переводчице Наталии Осояну и польскому автору Яцеку Врубелю. «Великая Избавительница» Осояну написана задолго до зимы 2020-го, но так уж получилось, что тематически она перекликается с основной темой этого года — эпидемией. Впрочем, как это обычно у Осояну и бывает, события разворачиваются в неожиданном, экзотическом мире, где и заразы, и лекари вовсе не такие, к каким мы привыкли. Врубель же, напротив, весьма традиционен, и мир, в котором действует его Мастер Хаксерлин, узнаваем, но это веселая приключенческая проза с двойным дном и мудрым прищуром.

Сергей Легеза в «Чуде с бомбардой» вновь возвращает нас во времена ландскнехтов и чудес в жестоком мире позднего Средневековья, а Анна Бжезинская рассказывает еще одну историю о Вильжинской долине и Бабусе Ягодке.

Что до Алексея Караваева, то его «Случай со страусами» — действительно особый случай. Алексей многие годы занимается исследованием истории советской фантастики, выпустил два солидных тома о том, как ее издавали в журналах и отдельных книжных сериях; он же — давний и отчаянный любитель палеонтологии. Две эти страсти нашли отображение в рассказе, написанном в жанре таких историй-случаев, а личный опыт экспедиций сделал его повествование живым и харизматичным.

Но довольно слов — в путешествие, дорогой читатель! И пусть эти рассказы подарят вам немного добра и надежды!

Терри Пратчетт

Последняя награда

С этим рассказом я повозился, но вижу, что можно было бы повозиться еще. Я даже думал сделать из него целый роман, но потом решил, что лучше не надо. Однако к этому рассказу я всегда испытывал слабость.

К двери Доггер подошел еще в халате. И обнаружил на пороге нечто невероятное.

«Простое объяснение — я сошел с ума», — подумал Доггер.

Для семи утра это показалось ему вполне удовлетворительным логическим обоснованием. Он закрыл дверь и, шаркая, двинулся по коридору, пока за кухонным окном грохотал поезд метро Северной линии[1], набитый совершенно вменяемыми — вопреки их внешнему виду — людьми.

Есть такой блаженный период бытия, который йен-буддисты[2] именуют «бдзянь». Он определяется как промежуток между пробуждением и моментом, когда тебе на голову падают все проблемы, которые не давали уснуть вчера. И он заканчивается, когда ты понимаешь, что это то самое утро, которое должно было оказаться мудренее вечера, но не оказалось.

Он вспомнил ссору с Ники. Ну, не то чтобы ссору. Скорее обиженное молчание с ее стороны и все более раздраженное ворчание с его стороны. Он и сам не знал, с чего все началось. Кажется, он сказал о ком-то из ее друзей, что они выглядят так, будто сами доят хлеб и пекут коз, а потом дошло до того, что он брякнул нечто вроде: «И раз уж ты спросила, то я думаю, что зеленым микролитражным “ситроенам” антиядерный стикер лепят на заднее стекло прямо на заводе»[3]. И если бы он был в своем обычном состоянии после пинты белого вина, он, наверное, добавил бы еще язвительный комментарий

про женщин в комбинезонах. Это была одна из тех ссор, когда шутишь, чтобы все исправить, но в итоге только проваливаешься еще глубже.

А потом она нарушила, нет, даже прорвала молчание и высказалась об Эрдане, мачистской сублимации для подростков, а еще о Рэмбо, а потом оказалось, что он защищает людей, которых на трезвую голову презирает не меньше, чем она.

А после он вернулся домой и написал последнюю главу книги «Эрдан и Змей Предела» — и спьяну, от досады и в знак протеста убил своего героя на последней странице. Похоронил под лавиной. Фанаты его за это возненавидят, но зато он испытал такое облегчение, будто освободился от чего-то, что тяготило его все эти годы. Ну и, кстати, сделало его богатым. Это все из-за компьютеров: половина его фанатов теперь работала в компьютерной индустрии, а там, как известно, людям выдают тележки, чтобы довести зарплату до дома. Хотя любители фантастики и щеголяют иногда в остроконечных ушах, зато книги скупают ящиками и читают их с утра до ночи.

Теперь придется придумать для них что-то другое, написать настоящую научную фантастику, разобраться с черными дырами и квантами...

И еще что-то его грызло, пока Доггер, зевая, шел на кухню.

Ах, да. На пороге стоял Эрдан Варвар.

Забавно.

На сей раз в дверь постучали так, что со стены посыпалась штукатурка, — не самый обычный спецэффект для галлюцинации. Доггер снова открыл дверь.

Эрдан терпеливо ждал, стоя рядом с молоком. Молоко белело в бутылках. Двухметровый варвар был одет в узкую кольчужную набедренную повязку, а торс его выглядел так, будто внутри перекачивались футбольные мячи. В руке он держал клинок, в котором Доггер безошибочно опознал Сканг, Меч Ледовых Богов.

В этом Доггер был совершенно уверен, ведь он тысячу раз описывал его. Но больше описывать не будет.

Эрдан нарушил молчание.

— Я пришел, — проговорил он, — чтобы встретиться со своим Создателем.

— Извините?

— Я пришел, — сказал героический варвар, — чтобы получить свою последнюю награду.

Он с любопытством заглянул в прихожую, и по мускулистой груди прокатилась волна.

— Вы же фанат, да? — спросил Доггер. — Отличный костюм...

— Что такое «фанат»? — пророкотал Эрдан.

— Я хочу испить твоей крови, — непринужденно вклинился Сканг.

За плечом великана — фигурально выражаясь, на самом деле у него под мышкой — Доггер увидел почтальона. Тот подошел, обогнул Эрдана, напевая себе под нос, вложил пачку счетов в безвольную руку Доггера, вопреки очевидному заметил, что погода сегодня отличная, и зашагал обратно по дорожке.

— И его крови тоже, — добавил Сканг.

Эрдан продолжал невозмутимо стоять на пороге, будто готов был ждать, пока в родные края не вернуться снежные мамонты из Хай-Кули.

В анналы истории уже вошли многие глупые замечания наподобие «Да тут ничего опасного» или «Индейцы? Какие индейцы?», и Доггер пополнил этот список своим любимым — тем, которое невероятно увеличивает продажи энциклопедий и полисов страхования жизни.

— Ну что ж, — произнес Доггер, — входите, наверное.

Никто бы не смог *так* загримироваться под Эрдана. Его кожаную безрукавку будто вытащили из компостной кучи. Ногти синюшные, ладони мозолистые, на груди — вязь шрамов. Какая-то тварь с пастью размером с кресло когда-то попыталась погрызть ему руку, но вкус ей наверняка не понравился.

«На самом деле, — подумал Доггер, — так я экстернализирую свои фантазии. Или вообще еще не проснулся. Главное — вести себя естественно, будто ничего не случилось».

— Так-так, — протянул он.

Эрдан пригнулся и вошел в комнату, которую Доггер предпочитал называть своим кабинетом (на деле она представляла собой обычную гостиную, но с текстовым процессором на столе), и уселся в кресло. Пружины жалобно взвизгнули.

А потом он с ожиданием посмотрел на Доггера.

«Разумеется, — сказал себе Доггер, — это может быть обычный маньяк-убийца».

— Последнюю награду? — слабо проговорил он.

Эрдан кивнул.

— М-м. А в какой именно форме?

Эрдан пожал плечами. Некоторым мускулам пришлось потесниться, чтобы громадные плечи приподнялись и опустились.

— Говорят, — прогудел он, — что павшие в битве будут вечно пировать и пить в твоих чертогах.

— Ох, — выдохнул застывший в дверном проеме Доггер. — В моих чертогах?

Эрдан снова кивнул. Доггер огляделся. С учетом телефона и вешалки в квартире уже было тесновато. Особо не попируешь.

— А, м-м, — замаялся он, — а «вечно» — это насколько долго?

— Покуда звезды не умрут и Великие Льды не скуют землю, — ответил Эрдан.

— Ага. Примерно так я и думал.

В трубке затрещал голос Кобэма:

— Что-что ты сделал?

— Я сказал, что дал ему пива и куриную ножку и посадил смотреть телевизор, — повторил Доггер. — И знаешь что? Больше всего его поразил холодильник. Он сказал, что я заключил в темницу следующий ледниковый период, представляешь? А с помощью телевизора, по его словам, я шпионю за целым миром. Смотрит сейчас «Соседей» и хохочет.

— Ладно, а от меня ты чего ждешь?

— Слушай, никто бы не смог так убедительно сыграть Эрдана! Несколько недель ушло бы только на то, чтобы провоняться как следует. Это точно он. На самом деле. Именно такой, каким я его всегда воображал. И сейчас он сидит у меня в кабинете и смотрит мыльную оперу! Ты — мой агент, скажи, что мне дальше делать?

— Так, успокойся, — принялся утешать Кобэм. — Эрдан — твоё творение. Ты с ним прожил много лет.

— Да, много лет! Но он жил у меня в голове. А сейчас он сидит у меня дома, вот что важно!

— ...и он пользуется большой популярностью, так что нечего удивляться тому, что когда ты решился пойти на такой шаг и убить его...

— Ты же понимаешь, я должен был это сделать! Сам подумай — двадцать шесть романов!

Из-за стены послышался оглушительный хохот Эрдана.

— Да, это тебя угнетало. Понимаю. Но его там нет на самом деле. Ты же сам сказал, что молочник его не видел.

— Почтальон. Да, но он его обошел! Рон, я его создал! Он думает, что я Бог! А теперь, когда я его убил, он пришел ко мне!

— Кевин?

— Да? Что?

— Прими пару таблеток. Он уйдет. Так всегда бывает.

Доггер аккуратно положил трубку.

— Вот спасибо, — с горечью процедил он.

Он даже попробовал. Сходил в гипермаркет, делая вид, что у него за спиной не маячит массивная фигура варвара.

Другие не то чтобы не видели Эрдана — глаза его замечали, но мозг каким-то образом удалял варвара прежде, чем сигнал доходил до сознания.

В итоге люди его обходили и даже машинально извинялись, если нечаянно задевали локтем, но потом и сами не смогли бы объяснить, кого обходили и перед кем извинялись.

Доггер оторвался от него в лабиринте полок, отчаянно надеясь, что если потеряет Эрдана из виду, тот развеется, как дым. Доггер схватил несколько предметов, торопливо миновал кассу (к счастью, без очереди) и уже вышел на улицу, когда радостный оклик заставил его похолодеть, а затем медленно развернуться, будто на роликах.

Эрдан овладел искусством управления тележками. Ну конечно, он ведь весьма неглуп. Варвару, который за пару часов выбрался из Лабиринта Безумного Бога, несложно справиться с корзинкой на колесиках.

Он даже разобрался с витриной-морозилкой. «Само собой», — подумал Доггер. «Эрдан на вершине мира», глава четвертая: он выжил, питаясь мясом погибшего десять тысяч лет назад мамонта, которого, по счастью, нашел в вечной мерзлоте. Доггер даже почитал кое-что об этом. И выяснилось, что такого не бывает, но какого черта? Просто для Эрдана порционную мамонтьятину готовил чародей Теско.

— Я за всеми наблюдаю, — гордо заявил Эрдан. — Хорошо быть мертвым.

Доггер осторожно приблизился к тележке:

— Но это не твое!

Эрдан озадаченно посмотрел на него.

— Уже мое, — сообщил он. — Я взял. Легко. Без боя. Вот пиво, вот мясо, вот Меня-зовут-Трейси-что-вам-подсказать, вот орешки в мешочке.

Доггер отодвинул полистироловые упаковки с большей частью коровьей туши, и из глубин тележки на него взглянули безумные, полные ужаса глаза Трейси. Обеими руками она сжала пистолет для ценников — как Грязный Гарри[4], который интересуется, кто тут верит в свою удачу, — и оценила его нос в 98 пенсов за фунт.

— Мыло, — объяснил Доггер. — Это называется мыло. Не такое, как «Соседи», — это полезное. Помогает мыться. — Он вздохнул и продолжил: — Энергично натираешь все тело вот такой мочалкой. Да, я понимаю, для тебя это в новинку. Здесь ванна, — добавил он. — Это раковина. А вот это называется унитаз. Я про него уже рассказывал.

— Он меньше ванны, — с легким разочарованием заметил Эрдан.

— Да. Но тем не менее. Вот полотенца, чтобы вытираться. А это зубная щетка, а это бритва. — Доггер замялся. — Помнишь, как я отправил тебя в сераль эмира Белой Горы? Уверен, тогда тебя вымыли и побрили. Тут все точно так же.

— А где гурии?

— Гурий нет. Придется самому.

Снаружи с ревом пронесся поезд, полка задрожала так, что щетка свалилась в умывальник. Эрдан заворчал.

— Это просто поезд, — сказал Доггер. — Такая коробка для путешествий. Он не причинит тебе вреда. Просто не пытайся его убить.

Десять минут спустя Доггер сидел и слушал, как поет Эрдан, что само по себе не беда; примерно такой звук и должен был разноситься над заснеженной тайгой на закате. С лампочки капало, но и это не беда.

Беда была с Ники. Как обычно. Он хотел встретиться с ней после работы в «Доме тофу». И ужасно боялся, что Эрдан увяжется за ним. И добром это не кончится. Его акции и до вчерашнего инцидента стоили немного — из-за неудачного замечания о черных чулках на прошлой неделе, когда он еще отбывал условное за то, что, по его словам, следовало сделать с мимами. Ники нравились «новые лица», хотя их так, наверное, уже никто не называет. Господи боже, он ведь даже начал читать «Гардиан», чтобы только от нее не отстать, и получил еще одну черную метку, когда сказал, что детская страница написана как идеальная пародия на детскую страницу «Гардиан»... Эрдан не из «новых лиц». Она его точно заметит. У нее на таких настоящий радар.

Нужно как-то отправить его обратно.

— Хочу испить твоей крови, — напомнил из-под дивана Сканг.

— Да заткнись ты.

Доггер попытался мыслить позитивно.

«Совершенно невозможно, чтобы созданный мной персонаж сейчас принимал ванну наверху. Это галлюцинации от переутомления. Я, конечно, не чувствую себя сумасшедшим, но я и не должен, верно? Он... он проекция. Да, несомненно. У меня... у меня выдался не лучший период в жизни, лет с десяти, если быть точным, и Эрдан — просто проекция, этакий мачо, которым мне втайне хочется быть. Ники говорит, что поэтому я и начал писать книги. Говорит, я не могу совладать с реальным миром, поэтому превратил все проблемы в чудовищ и выдумал героя, который может с ними справиться. Эрдан — мой способ совладать с миром. Сам я этого никогда не понимал. А значит, мне только и нужно, что мыслить позитивно, и он перестанет существовать».

Доггер покосился на стопку рукописей на столе.

Интересно, у Конан Дойла тоже были такие проблемы? Может, он как раз собрался выпить чаю, когда в дверь постучал Шерлок Холмс, все еще вымокший до нитки после падения в Рихтгофенский (или какой там?) водопад[5], а потом принялся разгуливать по дому, озвучивая свои остроумные наблюдения, пока Дойл не упрятал его обратно на страницы книги. Доггер подскочил в кресле. Вот что! Только и нужно — переписать...

Эрдан распахнул дверь.

— Хо! — заявил он, а затем засунул мизинец в мокрое ухо и выдернул его с таким звуком, будто откупорили бутылку вина.

Варвар завернулся в ванное полотенце. И казался почему-то аккуратнее, будто шрамов стало меньше. «Велики чудеса твои, о горячая вода», — подумал Доггер.

— Моя одежда колется, — жизнерадостно объявил варвар.

— А стирать ее ты пробовал? — слабо поинтересовался Доггер.

— А она, как высохнет, становится дубовой, даже не гнется, — ответил Эрдан. — Молю тебя даровать мне одежды богов, о могучий Кевин.

— Из моего ничего не налезет, — проговорил Доггер, а затем взглянул на плечи Эрдана и добавил: — Вообще без шансов. Да ты все равно никуда не идешь. Я сдаюсь. Перепишу последнюю главу. И ты отправишься домой.

Доггер сиял. Это идеальное решение. Если отнестись к безумию серьезно, можно заставить его пожрать самое себя. Нужно только исправить последнюю страницу. Не обязательно даже писать новую книгу об Эрдане — только дать понять, что Эрдан остался жив-здоров.

— И новую одежду тебе напишу, — сказал он. — Глупо ведь: такой здоровяк, как ты, умирает под лавиной! Ты выживал в куда худших обстоятельствах.

Он придвинул к себе рукопись.

— Сам посуди, — радостно бормотал Доггер. — Помнишь, как тебе пришлось идти через Греборскую пустыню без капли воды, и ты...

Железная рука сомкнулась у него на запястье — мягко, но крепко. Доггер вспомнил один научно-популярный фильм, где промышленный робот, способный выдать давление в две тонны на ноль восемь квадратного дюйма, аккуратно поднял куриное яйцо. И его запястье сейчас чувствовало себя так же, как то яйцо.

— Мне здесь нравится, — сказал Эрдан.

Доггер заставил его оставить Сканг дома. Меч говорил мало, но выдавал такое, чему уж точно не место в эко-кафе, где даже ростки фасоли имели право голоса. А вот от Эрдана отделаться не удалось. «Куда вообще может пойти двухметровый герой-варвар? — задумался Доггер. — Да куда пожелает».

Он попытался написать Эрдану новую одежду. Предприятие увенчалось лишь частичным успехом. Природа (то есть автор) не создала Эрдана для спортивных пиджаков. В итоге варвар выглядел ровно так, как его всегда воображал Доггер: словно здоровенный и бесшабашный фанат группы «Моторхед».

Эрдана стали замечать. Видимо, психические антитела, которые не позволяли другим его видеть, выветрились. Во всяком случае, на него несколько раз неодобрительно покосились.

— Кто такой Тофу? — спросил Эрдан, пока они шли к автобусной остановке.

— Да не кто, а что. Это такая еда, которую еще можно использовать вместо известки. Что-то... что-то вроде... ну, иногда он зеленый, а иногда нет, — объяснил Доггер, но ясности это не прибавило. — Помнишь, как ты отправился в Тенитти «выбить помощь» из тамошнего дожа? По-моему, я там писал, что ты ел пасту.

— Да.

— По сравнению с тофу паста — это взрыв вкуса. Два до центра, пожалуйста, — добавил Доггер, обращаясь к кондуктору.

Тот прищурился, глядя на Эрдана.

— Рок-концерт какой-то будет, да? — поинтересовался он.

— А в этом тофу пируют и пьют? — спросил Эрдан, когда они вышли на остановке.

— На органических продуктах не попируешь. Моя дева... одна моя знакомая юная дева там работает. Она во всякое верит. И, пожалуйста, давай ты ничего не испортишь? Моя личная жизнь сейчас немного запуталась. — И тут ему в голову пришла другая мысль. — И обойдемся-ка без советов, как все исправить. Тут не разрешается перебрасывать женщин через седло и увозить в ночь. Это, скорее всего, какой-нибудь «-изм», — мрачно добавил он.

— А у меня получается, — заметил Эрдан.

— Да, — пробормотал Доггер. — Всегда получалось. Это забавно. У тебя никогда не возникало таких проблем, я об этом позаботился. Двадцать шесть книг не менял одежду, и ни одна девушка ни разу на это не пожаловалась.

— Тут я не виноват, они просто...

— Я и не говорю, что виноват. Я говорю только, что у человека запас небольшой, и весь свой я отдал тебе.

Могучий лоб Эрдана покрылся складками от недюжинного усилия мысли. Его губы беззвучно повторяли это предложение — раз, затем другой. А потом варвар пришел к выводу.

— Чего? — спросил он.

— И утром ты возвращаешься.

— Мне тут нравится. У вас есть телевизор, вкусная еда, мягкие сиденья.

— Тебе же нравилось в Химерии! Снежные поля, бодрящий ветер, бескрайняя тайга...

Эрдан покосился на него.

— Правда же? — неуверенно спросил Доггер.

— Как скажешь, — ответил Эрдан.

— И ты слишком много смотришь прозорливый ящик.

— Телевизор, — поправил его Эрдан. — А можно его забрать?

— Куда, в Химерию?

— Между книгами в бескрайней тайге бывает одиноко.

— Ясно. Ты подсел на «Четвертый канал».

Доггер поразмыслил над этой идеей. В ней даже был некоторый шарм. Эрдан Варвар со своим мечом-кровопийцей, в кольчужном килте — с переносным телевизором и туристическим одеялом.

Нет, ничего не выйдет. Вряд ли в Химерии много телеканалов, вдобавок одна из тех редких вещей, которые не купишь на таинственных базарах Ак-Теретцикала, — это набор батареек.

Доггер поежился. О чем он только думает? Он и вправду сходит с ума. Фанаты его убьют.

И тогда он понял, что не сможет отправить Эрдана назад. Теперь уже не сможет. Что-то изменилось, он уже не сумеет снова это сделать. Ему нравилось создавать Химерию. Стоило закрыть глаза, и перед ним открывались Шимаркские горы, где каждый гордый пик украшала снежная шапка. Как свои пять пальцев он знал извивы дельты Прадеса. Даже лучше. А теперь все ушло, утекло, как воды отлива. Остался только Эрдан.

И он развивался.

— Тут написано «Дом тофу», — сообщил Эрдан.

И научился читать.

И одежда у него вдруг стала менее мохнатой, а походка — менее неуклюжей.

И Доггер понял, что когда они войдут, Эрдан и Ники поладят. Она его увидит. Это Доггера она может не замечать, а вот Эрдана — увидит.

Волосы у него стали короче. Одежда уже казалась просто стильной. За время короткой прогулки от автобусной остановки до кафе Эрдан сделал то, на что у большинства варваров ушло десять тысяч лет. Это даже логично. В конце концов, Эрдан ведь типаж абсолютного героя. В какое бы окружение ни попал, всюду изменится и подстроится. Дай ему два часа поговорить с Ники, и он начнет в одиночку топить китобойные суда и отключать атомные электростанции.

— Ты входи, — сказал Доггер.

— Проблемы? — спросил Эрдан.

— Просто нужно кое-что уладить. Я к вам потом присоединюсь. Только не забывай: это я тебя сделал тем, кто ты есть.

— Спасибо, — сказал Эрдан.

— Вот запасной ключ от квартиры. На случай если я не вернусь. Знаешь... Задержусь, например.

Эрдан мрачно взял ключ.

— Иди. Не волнуйся, я не отправлю тебя обратно в Химерию.

Эрдан бросил на него взгляд, в котором к удивлению примешивалась толика веселья.

— В Химерию? — повторил он.

Текстовый процессор щелкнул и включился.

И монитор был безвиден и пуст, и тьма на экране — если, конечно, не считать мигающего курсора.

Рука Доггера потянулась к клавиатуре.

Это ведь должно работать в обе стороны. Раз все держится на вере, можно добраться и автостопом, если обезуметь настолько, чтобы попробовать.

С чего начать?

Хватит и рассказа, просто чтобы создать персонажа. Химерия уже существует — где-то в пузырьке фрактальной реальности, созданной этими десятью пальцами.

Он начал печатать, сперва неуверенно, затем все быстрее и быстрее, когда мысли стали складываться в текст.

Через некоторое время он открыл окно на кухне. У него за спиной в темноте заработал принтер.

Ключ повернулся в замке.

Курсор продолжал мягко мигать, пока они входили, говорили, заваривали кофе и снова говорили на языке тела — два человека, у которых вдруг оказалось так много общего. То и дело звучали слова наподобие «холистический подход» и т.п.

— Всегда он что-то такое делает, — сказала она. — Все пьет и курит. Нездоровый образ жизни. Совсем не умеет о себе позаботиться.

Эрдан молчал. Он успел найти рассыпавшуюся по столу распечатку и теперь отложил наполовину прочитанную рукопись. Снаружи взвыла сирена, отразилась ближе и стихла.

— Прости? — переспросил он.

— Говорю, он за собой не следит.

— Думаю, ему придется этому научиться.

Он взял карандаш, задумчиво посмотрел на грифель, пока нужный навык не щелкнул в голове, и сделал несколько вставок. Этот идиот даже не указал, в какой он одежде. Если уж взялся писать от первого лица, так хоть не замерзни. В степях тот еще дубак.

— А ты давно его знаешь?

— Много лет.

— Ты не похож на большинство его друзей.

— Мы когда-то были очень близки. Я, наверное, присмотрю за квартирой, пока он не вернется.

Он вписал карандашом: «...но за обледеневшими деревьями блеснул большой костер лагеря скрюлингов». Скрюлинги сойдут, они считают, что сумасшедшие — великие шаманы, с Кевином там все будет в порядке.

Ники поднялась.

— Ну, я, наверное, пойду, — сказала она.

Тон и тембр ее голоса повернули какие-то выключатели у него в мозгу.

— Можешь остаться, — сказал он. — Конечно, это тебе решать.

Возникла долгая пауза. Она подошла к нему сзади и заглянула через плечо, немного неуклюже.

— Что это? — спросила она, пытаясь увести разговор от его логического завершения.

— Его рассказ. Отправлю утром.

— Ой, а ты тоже писатель?

Эрдан бросил взгляд на текстовый процессор. На фоне Бронзовой орды Меркля он не казался таким уж страшным. Его ждала новая жизнь, он это чувствовал, готов был в нее погрузиться. И переодеться в костюм.

— Начинающий, — сказал он.

— Мне нравится Кевин, — быстро уточнила она. — Просто он всегда терял связь с реальным миром.

Она отвернулась, чтобы скрыть смущение, и выглянула в окно.

— Рядом с путями много синих огней, — сказала она.

Эрдан внес еще несколько исправлений.

— В самом деле? — проговорил он.

— И люди там столпились.

— Вот как.

Эрдан изменил название на «Странник Соколиной песни». Нужно более динамичное развитие сюжета, это ясно. Он напишет о том, что знает.

Подумав, он добавил: «Хроники Кевина Бардопевца. Книга первая».

По крайней мере, это он мог сделать.

Перевод Ефрема Лихтенштейна

Марта Кладзь-Коцот

Остров жестоких снов

Когда я добрался до берега, уже смеркалось, и ветер ворошил на дюнах редкие пучки травы. Пахло солью, водорослями, мокрым песком. Под копытами коня захрустели мелкие камешки и давленные ракушки. Мерный шум моря накатывал, успокаивал. Волны едва лизали пляж, оставляя полосы бурой пены.

На берегу гнила рыбацкая лодка, покрытая ракушками-баланусами и засохшей морской травой. Вокруг потемневшей от соленых ветров деревянной хижины висели сети.

Я подъехал, спешил. Звякнули оружие и кольчуга. Я подошел к накренившемуся забору. Во дворе лежали подгнившие колоды, которые наверняка притащили сюда после того, как море выбросило их на берег. В тонкой струйке синеватого дыма вялилось несколько нанизанных на палочки рыбин. Худая женщина в полотняном домотканом платье склонилась над кадкой, погрузив в воду иссохшие ладони с набрякшими суставами, и терла о стиральную доску рубаху. Увидев меня, выпрямилась, застыла, что-то крикнула сдавленно. Двое маленьких замурзанных детишек выскочили из дому и помчались к дюнам, должно быть, предупрежденные этим ее криком.

Я хмыкнул, поднял руки в успокаивающем жесте. Снял шлем с наносником, чтобы выглядеть не так угрожающе.

— Я приехал с миром, — заверил ее. — Отсюда ведь ближе всего до Торренбурга?

Она вздрогнула. Посмотрела на море, где, наверное, виднелся остров. Я проследил за ее взглядом, прищурился, но ничего не увидел. Должно быть, из-за сумерек и седого тумана, застывшего горизонт.

— Не плывите туда, господин. — Голос женщины был хриплым, словно оцетинившееся занозами дерево.

Я снова хмыкнул.

— Я ведь не первый, верно? Кто-то недавно тут побывал?

Она кивнула, не глядя мне в глаза. Я мог показать княжеский перстень и велеть ей говорить. Или обнажить меч и заставить ее все мне рассказать. На пару мгновений я даже почувствовал искушение, укол нетерпения — но преодолел его. Эта женщина была тверда, как выглаженные ветром стены ее дома. Кроме того, она предупредила детей. Она боялась чужаков, знавала насилие и угрозы. Я добьюсь большего лаской и спокойствием, а не суровым словом и угрозами.

Я ждал. Темнело, ветер оглаживал стебли трав на дюнах и колыхал сохнувшие рыбацкие сети.

Она покачала головой, словно отгоняя навязчивую мысль.

— Видите, господин, — сказала она наконец, словно без уверенности, — дом у меня бедный, но немного хлеба, рыбы и пива найдется. О коне не беспокойтесь, — добавила она, заметив, как я оглядываюсь на гнедка. — Только расседлать бы его. Ребятишки отведут в сарай, напоят, сена положат.

— А расскажете мне о Торренберге? — спросил я быстро. — И о том человеке?

Она проворчала что-то и гневно замолчала. В густеющих сумерках я видел ее губы, сжатые и окруженные сеточкой мелких морщин. Не проронив ни слова, она выжала постиранное, развесила на веревке и, не оглядываясь на меня, направилась в сторону хаты. Я пошел следом. Склонился на пороге, отстегнул пояс с мечом и положил под стену вместе со шлемом, перчатками и кинжалом. Хата была низкой, покосившейся и бедной. Всего-то несколько предметов обстановки, контуры которых проступали в толике света, падавшего сквозь затянутое рыбьим пузырем окошко. Печь, лавка, сундук, кривой стол, какая-никакая постель, глиняный кувшин, две миски. Рыбацкие сети, растянутые под потолком, словно огромная паутина. Воняло рыбой, гниющими водорослями, илом.

Сдержанным жестом она указала мне место на лавке. Я уселся, приглядываясь. К сгорбленной спине, линиялому платку, скрюченным шишковатым пальцам, к выщербленной глиняной посуде, на боках которой отсвечивал огонь из очага. Между мной и этой женщиной разлилась тишина. Не доверительная, но и не враждебная. Славная и наполненная глубоким смыслом.

Мы одновременно взглянули в окно — туда, где за дюной исчезли дети. Рыбачка покачала головой, отвечая на незаданный вопрос. Нет, в

хате они не появятся. Наверняка поспят где-то в сарае на сене, рядом с моим конем и козами, чье бляенье я слышал.

Я знал, что даже у этой женщины есть своя история. Малая, нескладная, пропитанная запахом моря, сетей, рыбы. Ее собственная. В тени Торренберга не могло быть иначе.

Я ждал.

Знал, что этим вечером, во мраке и отсветах пламени на глиняном горшке, мы заключим договор. Мое молчание за ее тихие хриплые слова.

— Я вдова, — отозвалась она наконец. Села напротив меня на кривоногом табурете, оперлась локтями о стол, сдвинула с головы выгоревший платок. Погрузила пальцы в спутанные волосы. — Мой муж погиб в море. Сны его пожрали. Слишком далеко с сыновьями старого Дерана отплыли они в сторону острова.

Я молча кивнул. Она смотрела бледными глазами в пространство, в только ей известное прошлое.

— Вышли в море утром, — говорила она. Брови ее сошлись на переносице, будто крылья ласточки. — Над водой стоял туман, но выше сияло солнце. Позже мне говорили, что он сам их подговаривал, но я не верю. Это они. Молодые еще. Смелые. Увидели под водой косяк рыбы, поплыли в сторону острова. И вдруг оттуда что-то пришло. Их объяло черное облако. Вернее, только его. Остальные стояли на корме лодки, в солнце. А на носу был туман. И мой Аррэ, который в нем кричал. Размахивал руками, словно отгонял рой пчел. А потом упал лицом вперед, свесился через борт. Облако черноты отступило. Парни Дерана выловили его, но он был уже мертвый.

Брови словно свело судорогой, а блеклые глаза продолжали всматриваться в невидимое прошлое. Я думал, что она замолчит. Что подарит мертвому минутку тишины. Но нет. Она продолжила нескладный рассказ, и только шишковатые пальцы ощупывали край стола.

— Тогда-то я и стала плетельщицей, чтобы не подохнуть с голоду. Сюда заглядывали бабы рыбаков, порой приносили хлеб, сыр, рыбу. Приходили посидеть, помолчать со мной. Увидели, что я умею плести сети и латать их. Есть у меня это умение в пальцах. И сказали своим мужикам. С той поры я для всех тружусь, для всего села.

Я ждал. Мои вопросы висели в воздухе. О Торренберге. О нем. Но ей нужно было сплести рассказ, словно сеть. По собственным правилам.

— Бывали такие, кто приезжал, чтобы плыть на остров. Немногие. Но некоторые добрались аж сюда. Уставшие, запыленные. Лишенные сил. С тем голодом в глазах, с пустотой. Для них на земле уже не осталось ничего, и поэтому они хотели заблудиться во снах. Потому что каждый из них что-то потерял. Любимую женщину или ребенка. Или мастерскую и добро. Или все сразу. Прибывали к нам, потому что наша хибара подальше от села стоит, первая от тракта. Как и вы, господин, прибыли.

«И как он», — хотелось сказать мне. Но я смолчал. А она коротко взглянула на меня, словно только что заметила мое присутствие. Потом снова засмотрелась в невидимое.

— Мы не отговаривали их, — продолжала она. — Но прежде чем они отправлялись, мой Аррэ провожал их в село, чтобы они увидели старого Склайяра. Он единственный был на Торренберге. Давно. Эти, что приезжают, обычно пытаются поговорить с ним. Выспросить. А потом молча разворачивают лошадей и уезжают, только пыль за ними столбом.

Это был момент — тот единственный, — когда я мог задать вопрос.

— Но он ведь не уехал, верно?

Она бросила на меня взгляд: острый, словно кинжалом ткнула.

— Нет.

Она знала этот звук. Конские копыта по песку. Звук прорезался из тишины, между мерным шумом волн, шелестом трав, криками чаек. Она не стала поворачивать голову. Пребывала в своем вдовьем ожидании, стоя на берегу, жертвуя минутку молчания безымянным морским божествам, а бессильный гнев — синеватому абрису далекого острова. Услышала, как всадник соскочил с коня. Тот фыркнул; потом захрустели шаги.

Этот человек спросил о лодке. Провалившейся глубоко в песок, обросшей ракушками и водорослями, гниющей, мертвой — как мертв

был Аррэ. Она покачала головой. Не могла плакать, но не могла и говорить. Слова утонули, ушли, завалило их пластами влажной земли.

— Я должен туда поплыть, — промолвил он спокойно, ласково, словно обращаясь к ребенку. — Я должен найти своего друга, который заблудился там давным-давно. Я знаю, что он на острове. Торренберг не причинит мне вреда, поскольку делаю я это не для себя.

Плетельщица поглядела на него. Он был уже немолод. Короткая седая борода, взъерошенные волосы, сеть морщин и мелких пятнышек на загоревшем лице, на котором светились глаза: холодные и голубые. Она присмотрелась к этим глазам. И не увидела того, что бывает обычно. Не было в них голода и пустоты. Отчаяния, страха, огня и крови. Была же в них лишь некая острота, и внимательность, и напряженное ожидание. Его взгляд пронзал насквозь ее маленькую и неважную трагедию, и именно такой ее делал: маленькой и неважной рядом с извечной бездной времени и бесконечной зеленью моря. И кажется, именно эти глаза убедили ее. Это не был взгляд человека, который желает достичь полного забвения.

Она помогла ему столкнуть лодку на воду. Смотрела, как он отплывает. День обещал быть ясным, веял легкий соленый бриз, по небу с криками кружили чайки.

Она обещала заняться его конем, поэтому отвела в сарай и привязала подле своих коз. Наполнила корыто водой, бросила свежего сена, повесила на морду коня мешок с овсом. А потом до самого заката чувствовала беспокойство. Вздрагивала, когда ветер стучал ставнями. Варила еду, заметала в хате, латала сети, присматривала за детскими играми, побегушками, перешучиваниями и простыми занятиями — и постоянно поглядывала на море. В ту сторону. В сторону Торренберга. Укладывала в голове растрепанные мысли. Пыталась смириться с тем, что он не вернется, пыталась простить себе свое преступление. То, что она не сумела его остановить. Что дала лодку.

Слышала пофыркиванье коня, доносившееся из сарая. Сумеет ли она его оставить, если он не вернется? Можно ли его продать и как много серебряных монет обожгут тогда ее руку?

Он вернулся в темноте, когда у нее уже угасла надежда. Выпрыгнул из лодки и с трудом вытянул ее на песок. А потом вытащил из нее иссохшее, изможденное тело, в котором едва билась жизнь.

— Не знаю, как он сумел это сделать. — Блеклые глаза плетельщицы сверкали. — Спас его. Этот человек спал много лет, но все еще оставался жив. Выглядел как статуя старика, как обтянутый пожелтевшей морщинистой кожей скелет. Спина его была согнута в дугу, худые конечности скрещены впереди, как у засушенного зверя. Питался ли он там кореньями, сушеными ягодами и сырой рыбой — или же не ел ничего и питался только снами? Как знать. Я влила ему в рот несколько ложек козьего молока, но он сразу же все выплюнул.

— А тот? — Я сглотнул, слюна стекла пересохшим горлом. — Голубоглазый?..

— Сидел над ним, словно над больным ребенком. Всю ночь.

Она смотрела в пламя очага, в отсвет его на выпуклости глиняного горшка.

— На рассвете он перебросил того, другого, через спину лошади — и они уехали, — сказала женщина.

Я ехал дюнами, копыта коня вязли в сухом песке. Я ехал по его невидимым, затертым ветром следам. Не оглядывался на хату плетельщицы и на давящий ужас с моря, и все же я чувствовал его за спиной. Торренберг всматривался в меня с затуманенного горизонта, словно единственный черный глаз. Одиночные сны отрывались от тумана, касались моего воображения, исследовали меня, как щупальца. Я все еще чувствовал во рту вкус черного хлеба, вяленой рыбы и кислого пива, но уже не был уверен, действительно ли ночевал в доме той женщины, твердой и искореженной, словно иссеченное морским ветром дерево. Может, сны дотягивались даже сюда, до побережья.

Может, они прихватывали новые и новые пяди песка, на которых легкий бриз рисовал мелкие морщинки.

Мне уже не нужны были указания. Я чувствовал, куда именно он ехал. Я двигался за ним по следу густых испарений Торренберга. Я ехал между стланиковыми соснами, а потом через редкий карликовый лес. Напоил коня в ручье и немного перекусил, а затем продолжил путь. Он не мог быть далеко, опережал меня всего на день-два. Я знал, что он все еще должен двигаться на юг, в сторону ползущего по небу щита солнца.

Я догнал его на третий день в сумерках. Он сидел у костра. На самодельном шампуре пеклась куропатка. Я видел его спину, чуть сгорбленную, прикрытую бурым плащом, видел длинные седые волосы. Под моей ногой треснула ветка, конь фыркнул, я ухватил его за узду у самой морды.

— Выходи, — сказал он.

Я выступил из зарослей. Он даже не стал оглядываться. Я привязал коня к дереву и приблизился. В следующий момент вскинул руку ко рту, чтобы сдержать крик. Ноги подогнулись подо мной, мне сделалось дурно.

Нечто, что я принял сперва за примитивную палатку или за накинутую на ветки кучу тряпок, оказалось человеком — или скорее иссохшими останками тела. Его широко раскинутые руки и ноги были привязаны толстыми веревками к воткнутым в землю палкам, формируя кошмарную фигуру косоугольного креста. Голова свисала набок, из выклеванных птицами глазниц на провалившиеся щеки стекала бурая слизь. Только теперь я почувствовал смрад гниющего трупа.

А он сидел напротив, по ту сторону огня, и пек мясо.

— Садись, — приказал он сухо.

Меча у него не было, я не видел рядом с ним никакого оружия, но послушался. Что-то в его голосе, во всей его фигуре повелевало слушаться. Я так и поступил, хотя глядя на гротескно изломанные останки, мне хотелось вынуть меч и отрубить ему голову.

— Я ждал тебя, — сказал он.

Я вскинул брови.

— Я слышал и чувствовал, что ты едешь следом, — пояснил он. — Я пока что не спрашиваю, чего ты хочешь. Расскажешь, когда придет время.

Я накрыл правой рукой левую и незаметно повернул княжеский перстень печаткой внутрь. Не хотел, чтобы он догадался. Пока что.

И я все еще не мог отвести взгляд от сохнувших на корнях останков. Запах жареного мяса вместе со смрадом гниющих внутренностей забивал мне дыхание.

— Я его не убивал, — ответил он на незаданный вопрос. — Только привязал, когда он скончался. Ни за что на свете не приблизил бы его смерти.

Он казался высокомерным в своем нерушимом каменном спокойствии. Хотя я был младше, сильнее и лучше вооружен, я ощущал перед ним испуг. Не знал, могу ли доверять его словам. Ведь, кроме прочего, передо мной сидел человек, который отправился на Торренберг и сумел оттуда вернуться. Я помнил, что рассказала мне плетельщица. «У всех есть остатки надежды», — говорила она, кривя в ухмылке уголок рта. Им кажется, что остров обнимет их, дарует беспмятство или наоборот — вернет воспоминания о лучших днях. Что среди снов, которые они видели ночами в своей монотонной жизни, не было кошмаров настолько пугающих, что в них не проживешь и пару мгновений.

«Не понимают», — говорила она, вглядываясь в отблеск огня на поверхности кувшина. Торренберг — это не только их сны. Остров заглядывает в сознание всех, кто оказался поблизости, всех, кого омыли морские волны. Он вытягивает из них все, что только сумеет, и всасывает вглубь единого огромного сна. Но остров тоже не понимает, что получает, а потому искривляет это, разнимает, переиначивает. И погружает их в измененную магму, сплавленную из множества сознаний.

Откуда она это знала? И действительно ли произнесла эти слова, или они появились только сейчас в моих воспоминаниях,

прописываясь палимпсестом на молчании, которое установилось в тот вечер? Меня прошила дрожь. Сколь близок я был к гибели?

С подгоревшего мяса капал жир. Над головой трупа кружили большие толстые мухи.

Мы сидели в нереальном молчании, глядя на высохшее распятое тело, лишь на бедрах покрытое куском грязной от фекалий материи.

— Назови себя, — потребовал он внезапно.

— Я — Видар, командир княжеской гвардии из Наанедана. — Я хмыкнул. Дым раздражал глаза, царапал горло. — А если ты купец Арен из Эфельдина, то... я искал именно тебя.

И тогда он взглянул на меня: глазами голубыми, холодно горящими на морщинистом лице, пронзительными, будто клинки стилетов.

— Наанедан, — повторил он. Низко, гортанно, с тоской и непроизнесенной жаждой. — Наанедан, — сказал опять. — Тогда ты должен был ее знать. Принцессу Алайю.

Я кивнул, глядя в землю, куда-то в сторону. Обхватил себя руками, чтобы он не заметил, что я дрожу.

— Раз уж ты сюда прибыл, ты должен принять дар, — продолжал он. — Тяжесть моего прошлого. А еще я отдаю тебе его. — Он кивнул на труп. — Пожалуй, это самое ценное, что нынче у меня есть.

Я удивился, что человек, за которым меня послали, — безумец. Но он только кисло улыбнулся, уперся в колени старческими ладонями и начал говорить.

— Я был богат. У меня были склады, наполненные товаром, стовесельные корабли с пурпурными парусами, дворцы, фонтаны, полные сундуки золота, шелк, звенящие браслетами танцовщицы, а также песенники, ослы и верблюды. Я был словно царь из восточных сказок — чего бы ни пожелало мое сердце, я мог это получить. А я желал только дочь сарийского дожа, Алайю. Как только увидел ее, я

утратил покой. Писал ей поэмы, слал подарки. Посреди жарчайшего лета она получала от меня фруктовые шербеты, которые охлаждались льдом прямиком с гор. Я дарил ей ожерелья из редких драгоценностей, певчих птиц, привезенных из далеких стран. И я знаю: пусть Алайя не сказала мне ни слова, она чувствовала ко мне то же самое. Иной раз взгляд может сказать больше, чем самая длинная поэма.

Он замолчал, а потом продолжил голосом, который совершенно не подходил к такому рассказу: жестким и мрачным:

— Дож, который, как говорили, готов был во всем потакать любимой дочери, согласился на наш брак. Я ждал ее приезда на площади перед украшенным цветами дворцом, в окружении вырядившихся в шелка и драгоценности приятелей и слуг. А когда она въехала во врата верхом на верблюде, ее приветствовал звук серебряных рогов, барабанов и свирелей. Ее разноцветный караван влился на площадь. Все замолчали, ожидая, когда невеста спустится со спины верблюда, подойдет ко мне по мягкому ковру, подаст руку и произнесет слова, которые в тот момент надлежало сказать: «Се вступаю в твой дом».

Алайя была для меня не только женщиной. Алайя — это была радость, песнь и вдохновение. Тяжелый запах мускусных духов и звон монет на ее браслетах. Ветер, который касался багровой шелковой вуали на ее королевском челе. Я мог бы часами рассказывать о луке ее бровей, писать целые поэмы о мочке ее уха.

Все смолкли, прервалась музыка, установилась тишина. Алайя сделала первые шаги по мягкому ковру.

И тогда из толпы моих домочадцев вышел он. Одетый в обтрепанные одежды из толстого домотканого полотна — словно одним своим видом он желал испортить день моего обручения. Он ступил на ковер, встал между мной и Алайей. И произнес Проклятие.

Это был Демнор, мой друг и приятель. Я никогда не узнал, отчего он решился заплатить своей жизнью за то, чтобы изуродовать и извратить мое счастье. Так ли сильно он мне завидовал? Или я не заметил, когда дружба неожиданно превратилась в ненависть?

Когда некто произносит Проклятие, до конца своих дней он будет влачить несчастное существование, одинокий и покинутый всеми. Люди отступят от него, словно от прокаженного. Потому что произнести Проклятие легко, очень легко. Но оно — словно веревка, которой проклинаящий связывает себя со злой судьбой проклятого. Постепенно его поглотит мрак, все его деяния расползутся в его руках, как сотлевшая ткань. Чтобы решиться на такое, нужно немало ненависти или отчаяния.

Демнор проклял не меня и не Алайю, он проклял только наш брак.

Алайя остановилась, как всегда, спокойная и гордая. У нее не дрогнули даже уголки губ — может, она лишь слегка побледнела. А потом — развернулась и молча ушла. Слуги помогли ей сесть на верблюда. Я смотрел, как она уезжает вместе со своим караваном, а мир вокруг сереет и блекнет.

Больше я ее никогда не видел.

Говорят, что она болела, что привозили к ней лучших медиков. Что она затворилась в своей комнате и не желала никого видеть. Что какое-то время она пребывала в темноте, за толстыми завесами, подальше от солнца. Но весной следующего года она вышла замуж за князя Наанедана.

И тогда я перестал ждать вестей.

Я долго готовился к этому. Без лишней спешки, но и без пустых проволочек. Спокойно и старательно. Приказал сшить себе черные одежды и черный тюрбан. Выбрал гнедого коня, горячего, но послушного. У живущей в портовом переулке травницы купил усыпляющий маковый отвар. Распустил сплетни, что отплываю по торговым делам на юг. Позаботился о том, чтобы мои корабли покинули порт с помпой, чтобы все говорили при этом: вот, мол, купец Арен оправился от несчастья и намерен теперь отвоевать у фортуны новые богатства. Я же тем временем укрылся в усадьбе и ждал. О том, что я не выехал, знали только несколько доверенных слуг.

На десятую ночь я надел черные одежды и прокрался в сад Демнора. В оставленный на террасе кувшин с вином влил маковый отвар. Когда наступил рассвет, я уже был далеко за городом. Ехал приморским трактом, бережно придерживая переброшенное через конское седло, связанное веревками тело.

Дергался ли он, плакал ли, угрожал? Не помню. Даже если так, голос его не достигал моего слуха. Время от времени я вливал ему в рот пару глотков воды, заправленной маковым соком. Порой давал немного хлеба.

Ночью я украл маленькую рыбачью лодку. Швырнул его на дно и отплыл. Помню его дикий, испуганный взгляд, глаза неразумного зверя. Но возможно, это мне лишь приснилось. Торренберг маячил на горизонте, пятно абсолютной темноты на черном фоне.

Мы доплыли. Остров не показался мне большим. Был он куда меньше, чем окружающее его днем и ночью облако тумана. Что-то хихикало в зарослях, что-то мелькало в тростнике, кричали бакланы. Я рассек веревки Демнора и оставил его спящим на берегу.

— Отчего сны не пожрали меня? — переспросил он и мрачно рассмеялся. — Я уже истратил их все. Когда во тьме своего дома ожидал, пока настанет срок, я сам пил одуряющий маковый отвар. Добровольно сошел глубоко во мрак. Вместо меня сны видели лишь черную пустоту, ведь во мне и вокруг уже ничего не было. Я знал, что если бы среди туманов Торренберга привиделась мне Алайя, это была бы Алайя Демнора.

Я задрожал, услышав эти два имени, произносимые на одном дыхании. Звуки их соприкасались, с хрустом отирались друг о друга. Я перевел взгляд на местами усохшие, а местами и раздутые останки, распятые на ветках. Вопросительно поднял брови. Он согласился, кивнув.

— Отчего ты за ним вернулся? — спросил я.

Он пожал плечами.

И вдруг я поверил, что мое странствие было напрасным. Что он уже знает новости, с которыми меня к нему отослали. Что нам нечего предложить друг другу, никакой истины, никакого рассказа. Что каждое слово будет как мелкая монета, которую кладут под язык умершему, чтобы тот сумел заплатить проводнику.

Мне не было нужды ничего говорить. Он знал, что Проклятие прицепилось к Алаие. Отравило ей дни, вытеснило всю радость. Медленно терзало страну Наанедан, убивая в ее обитателях волю к жизни. Таилось на хлебных полях, покрытых снегом, в растрескавшейся от суши земле, в дыхании морозного ветра. А потом — в звоне доспехов чужих армий, в резне и заревах пожаров. Прекрасный город Наанедан исчез.

А может, это было не Проклятие, а лишь сон безумца, который тот видел десятилетиями. Сон, который поймал в тенета не один разум. Сон, который распространился и затянул все своей паутиной. Повествование идиота, дурака, громкое и ничего не значащее. Или это было чье-то пожелание, чья-то пустота, пустыня сожженных желаний; отраженная в зеркале Торренберга тьма. Я не знал, но знание и незнание, возложенные на противоположные чаши весов, сейчас весили одинаково. Я это понимал.

И лишь одну весть я мог предложить ему в этот момент. Я снял с пальца княжий перстень.

— Я не только командир княжеской стражи, — сказал я, вручая ему перстень. Герб блеснул отраженным светом костра. — Я его сын.

Не знаю, что случилось потом. Но не потому, что у меня нет воспоминаний. Просто их слишком много.

Я помню, как он спрятал лицо в ладонях и заплакал. Над бесконечной пустотой в себе и над умершим городом. Я тихо сидел рядом с ним, ожидая, пока стихнет первый пароксизм его печали. Труп пялился на нас кровавыми глазницами. Вот так мы и сидели над угасшим костром, пока не настал рассвет.

Помню еще, как я связал его, перебросил через спину лошади и отправился назад к хате плетельщицы. Та стояла пустой, всюду царила тишина. Я бросил его в лодку и оттолкнулся от берега. Шум моря постепенно превращался в моей голове в жужжание, словно под черепом угнездился целый рой пчел. Несмотря на это, я отчаянно греб веслами к занавесу темноты, что смутным пятном маячил на горизонте. На связанного старался не смотреть. Он казался мне то спокойным, едва ли не насмешливым, то переполненным животным ужасом.

Внутри мы проникли внезапно, будто миновали занавес. Нас охватила крошечная темнота. В тишине слышно было, как срываются с весел и ударяют о поверхность моря капли воды. Потом раздались голоса, едва слышные, доносившиеся откуда-то сверху. Ржание лошадей, звон оружия, крики умирающих. Затем слева донеслось

зловещее хихиканье, а откуда-то спереди — медленное соблазнительное пение. Нос лодки разодрал тьму, и мы вплыли в освещенный утренним солнцем залив. Над зеркалом вод свешивались цветущие ветви яблони. На берегу сидела светловолосая женщина, край ее белого платья терялся в изумрудной траве. Она касалась пальцами струн арфы и пела.

И тогда я понял, что оказался во сне и никогда не сумею из него выйти. Что тело мое тоже иссохнет и истончится, а руки и ноги станут напоминать сухие звериные лапы. Что я буду переходить из сна в сон, преследуемый чудовищами и влекомый миражами. Если даже сейчас я разверну лодку и отплыну, не буду уверен, что не плыву по морю из снов. А если когда-либо коснусь ногой настоящей земли, просто рассыплюсь в прах, как тот, кто мертв уже сотни лет.

Сны сплетают крепчайшие из сетей.

Помню еще, как под утро мы сложили костер из веток и сожгли тело Демнора. Дым скверно пах и стелился по земле синими языками. А потом мы оседлали лошадей и вдвоем отправились на запад.

Я не очень-то хорошо помню, как мы ехали по пустым полям и безлюдным шляхам. В убогих селах, редко встречавшихся между поросших лесом холмов, почти никто не жил.

На рассвете девятого дня мы остановились на вершине холма и увидели сгоревший город. Дворцы, сады и виноградники Наanedана превратились в обугленные обрубки деревьев и колонн. Не было слов, которые мы могли бы произнести. Арен снял с пальца княжеский перстень, который я ему отдал, и взглянул на него в солнечном свете. Уже никто не напишет эдиктов, которые можно было бы запечатать этим перстнем, и никто не сломает печать на княжеском письме. Никогда уже не выпадут прошлогодние снега.

А быть может, мы взошли на один из многочисленных купеческих кораблей с высокими бортами и пурпурными парусами, с флагом компании из Эфельдина, что гордо реял на мачте. Мы направили нос корабля в сторону заходящего солнца. Потрескивали реи, ветер надувал паруса. Мы плыли бесконечно, в поисках вертикальных стен света, за которыми заканчивались сны.

Мне кажется, что я — Видар, но мне немного осталось, кроме этого знания. Не ведаю, дано ли мне будет когда-нибудь написать хронику прошлых событий, воскресить на веленевых страницах сожженный Наанедан. Возможно, я никогда и не отплывал из Торренберга, а может — никогда туда и не прибывал? Может, Алайя, Арен и Демнор — только фигурки, которые я переставляю по шахматной доске своего воображения? Может, я никогда так и не покинул хату плетельщицы, мечась в горячке на грязном подгнившем сеннике?

В своих поисках я слишком приблизился к острову. Не знаю, закончится ли для меня когда-нибудь время жестоких снов.

Перевод Сергея Легезы

Анна Каньтох

Окно Мышеграда

Когда я мыл окровавленные руки, а потом сбрасывал в реку тяжелый джутовый мешок, я точно знал, что ждет меня в ближайшие четырнадцать дней.

Все еще стоя на берегу, я буду смотреть, как бурные воды Вислы поглощают тело убитого мной человека. Я сгорблюсь и вскину руки, пытаюсь защитить голову от потоков дождя с градом; острые, словно осколки стекла, ледяные обломки ранят меня — через час Михалик спросит, отчего у меня кровь на руках, я же вздрогну, увидев свой пустой взгляд, отраженный в зеркале. Дьявол в деталях, так говорят, а я знаю об этом лучше кого бы то ни было.

Октябрьские сумерки опускаются быстро, а в тот вечер будет казаться, что день никогда и не начинался, что сумерки были тут всегда, среди этих клонящихся к земле, смердящих влагой и крысиным дерьмом домов. Я осмотрюсь, прекрасно зная, что я один, что свидетелей моего преступления не было. В такие дни, как этот, даже обитатели покинутого богом Подгужья носа не кажут из своих нор.

Во тьме раздастся голос, который с равным успехом может быть и криком истязаемого ребенка, и визгом собаки. Стоило бы поспешить на выручку страдающему существу, такая мысль не раз придет мне в голову, но я не сдвинусь с места. Никогда не сделаю этого.

Упоминал ли я о том, что мои поступки значат больше, чем поступки других людей?

Порыв ветра принесет с собой резкий запах дыма, и мне сразу же покажется, что сквозь шум ливня слышен протяжный стон затормозивших на полном ходу машин и треск распадающихся кирпичных стен. Огонь, видный на западе, притаится, захлестнутый яростным напором холодного дождя, и тотчас вспыхнет с новой силой. Даже океану не под силу погасить пожар, который пылает так долго, что я едва помню, когда он начался.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ